

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ СЕГОДНЯ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

М. И. Бойченко

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 2 апреля 2014 г.

Аннотация: *статья посвящена анализу состояния дел и перспектив развития социальной философии как академической дисциплины на основе рассмотрения нескольких взаимосвязанных проблем. Предложено авторское видение круга фундаментальных проблем социальной философии и условий успешного ее преподавания как академической дисциплины.*

Ключевые слова: *социальная философия, социальная теория, социальная технология, перспективы, фундаментальные проблемы, трансдисциплинарность.*

Abstract: *the article analyzes the situation and prospects of social philosophy as an academic discipline based on a review of several interrelated problems. It is proposed the author vision of the range of fundamental problems of philosophy and conditions of its successful teaching as an academic discipline.*

Key words: *social philosophy, social theory, social technology, perspective, fundamental problems, transdisciplinarity.*

Если классическая философская мировоззренческая позиция с древних времен определялась как созерцательная (образцом служит тот образ наблюдателя на берегу бушующего моря, который изобразил Тит Лукреций Кар [1]), то социальная философия со времен своего концептуального становления ставила вопрос прямо противоположным образом – один из ее отцов-основателей Карл Маркс утверждал, что задачей философии должно стать изменение мира [2, с. 4]. На наш взгляд, здесь все же нет противоречия. Философия всегда меняет мир, даже если открыто не претендует на это. Но условием философского изменения мира является обретение ею беспристрастной и в то же время ценностной позиции, позволяющей предлагать такие цели изменения, которые могут претендовать на универсализм. Для этого данная ценностная позиция должна быть принципиально новой и, во всяком случае, не принадлежать ни одной из существующих на данный момент социальных групп – политических партий, научных сообществ, социальных классов и т.д. Иными словами, философия должна предлагать более или менее сильную версию идеала. Особенно явно эта логика представлена в социальной философии, где успехи и трудности в самом общем плане можно оценивать с точки зрения адекватности осознания и следования ею этой логике.

В современном социальном познании социальная философия нередко присутствует не столько институционально, а именно как четко обоснованная учебная дисциплина или специальная отрасль научного

познания, сколько как некая общая установка – познавательная, методологическая, мировоззренческая, прагматичная и социально-технологическая. Примеры воплощения данного подхода можно продолжать и дальше, в частности, отмечая, что социальная философия в настоящее время является неким общим философским настроением. Не только практически каждая философская дисциплина берется за постановку и даже нередко решение социально-философских проблем, но и отдельные социальные, гуманитарные, а иногда и естественные (теоретическая физика), технические (кибернетика) науки или отдельные теории (теория эволюции, синергетика и т.д.). Такую ситуацию следует рассматривать как творческий кризис социальной философии, когда проблематичность ее дисциплинарной самоидентификации создает широкие возможности для привлечения данных и идей из разных теоретических источников и, не надо забывать об этом, различных социальных практик (достаточно вспомнить впечатляющие общественные успехи разного рода социальных сетей). Впрочем, польза от такого чрезмерного теоретического и методологического либерализма, который вызывает в памяти методологический лозунг «everything goes» Пола Фейерабенда [3], может быть достигнута, когда он носит только тактический характер, тогда как настоящую свою теоретическую и практическую значимость такие ad hoc достижения и эвристические разведки получают, по нашему убеждению, именно при стратегической ориентации на достижение социальной философией дисциплинарной самоидентификации. То есть на богатых материалах «полевых исследований» в области социально-философской проблематики, осуществляемых отдельными науками и теориями или даже отдельными исследователями и мыслителями, повседневными практиками и выдающимися общественными деятелями, следует осуществлять системную социально-философскую рефлексивную и концептуализацию, на которые способна только социальная философия как полномочная философская научная теория и обязательная учебная дисциплина из цикла современного классического философского образования.

Социальная теория versus социальная философия

Наиболее поучительным и, с научной и образовательной точки зрения, нередко драматичным является опыт внедрения общей социальной теории как своеобразного современного alter ego социальной философии. Снимая в глазах некоторых ученых отдельные упреки в адрес социальной философии в ее метафизичности и идеологичности, общая социальная теория попадает в оковы зависимости от отдельных эмпирических дисциплин – социологии, социальной психологии, теории управления, теории личности и т.д. Социальная философия начинает превращаться в лучшем случае в общую социологическую теорию, как это было еще в советские времена, или в общую методологию социального познания. При этом основные функции социальной философии – познавательная, мировоззренческая и функция теоретической концептуализации – вос-

принимаются как нечто, начиная с самого своего замысла (не говоря уже о воплощении), пораженное болезнью метанарратива, тотальности и симуляции, что якобы препятствует получению конкретного, специального и адекватного знания отдельными науками, в том числе и человечеству в целом, и каждому отдельному человеку. Нетрудно увидеть здесь неоднозначные воздействия постмодернистской критики, которая, выполнив свою разрушительную функцию, в общем вполне оправданную и полезную, не только не выполняет, но и не берется по-настоящему выполнять функции творческой и конструктивной. Впрочем, неоднозначным практическим последствиям этой критики мы обязаны не столько классикам философии постмодерна, сколько тем, кто под лозунгами антифундаментализма в теории познания, борьбы с метафизикой в философии и другими инспирированными нередко именно постмодернизмом идеями практически пытается осуществить замещение социальной философии как общей социальной теории – или отдельными отраслевыми социальными теориями (что само по себе не наносит социально-философскому познанию значительного ущерба, а в перспективе может дать богатый материал для социально-философской рефлексии и концептуализации), или же теоретическими и методологическими стратегиями, претендующими на всеобщность (в которой отказывают социальной философии) с нефилософских или неадекватных (т.е. посторонних относительно социальной философии) позиций. И тут стоит вспомнить модные «тренды»: социальную эпистемологию, социальный конструктивизм – как преимущественно нефилософские по своему самоопределению концепции или интервенции в социальную философию других философских дисциплин – политической философии (якобы более адекватного для современного общества заменителя социальной философии), этики (социальной этики), теории познания (в частности, в некоторых версиях социальной феноменологии и герменевтики), философии языка (в аналитических ее версиях) и т.д. Осуществляя инвазию в область социальной философии, эти философские дисциплины несколько обогащают свой теоретический арсенал и запас знаний, однако в большей степени следствием таких не всегда дружественных для социальной философии интервенций оказывается претензия на обоснование «смерти социальной философии» (по аналогии со «смертью Бога» у Ф. Ницше [4] или «смертью субъекта» у структуралистов [5]), тогда как для собственно социально-философского познания этими теоретическими проектами предложено пока слишком мало.

Наша позиция заключается не в том, чтобы прояснить соотношение этих якобы альтернативных (явно или неявно) относительно социальной философии проектов с самой социальной философией. В большинстве случаев речь идет об отношении целого (социальной философии) и части (полностью или частично, по принципу частичного взаимного наложения), а в некоторых случаях – о существенных взаимных влияниях. Однако, если для теоретических исследований непроясненность таких содержательных соотношений, как правило, не является чем-то критическим и до определенного времени не причиняет неудобств (наоборот,

создает иллюзию свободы научного исследования), то для образовательной практики подобная непроясненность имеет своим следствием потерю системности в изложении социально-философской проблематики, прерывистость и непоследовательность – как в отдельных темах лекций и семинаров, так и в учебных программах для различных специальностей, в том числе, к сожалению, нередко и философских. Поэтому следует приложить усилия для более четкого прояснения такого соотношения. И начинать следует именно со сферы образования, где все фигуры умолчания научных исследований неизбежно выходят на поверхность и артикулируются.

Социальная философия как учебная дисциплина

Как учебная дисциплина социальная философия представлена прежде всего на постсоветском пространстве (там, где еще философия не элиминирована государством как достойная поддержки образовательная дисциплина и наука, например в некоторых из авторитарных среднеазиатских режимов) и в немецкоязычных странах. Это обусловлено тем, что наибольшее влияние на становление социальной философии имел марксизм как философская теория, породившая самые масштабные и организованные социальные движения, будучи господствующей и даже официальной государственной идеологией во многих странах мира (а в некоторых сохраняет такой статус и по сей день). Правда, ипостаси марксизма встречаются различные, причем подчас настолько, что некоторые из них несовместимы между собой не только с философской, но даже с культурной точки зрения.

Так, на территории бывшего СССР, в частности в Украине и России, долгое время большинство учебников по социальной философии писалось в рамках философии марксизма, пусть даже с учетом тенденций к его гуманизации [6]. Со временем прямое влияние марксизма ослабевает, хотя его все еще легко увидеть, начиная с составления структуры учебника и базовой терминологии, которая в нем используется [7–10]. Редкие исключения из этого правила [11–14] лишь подтверждают его, поскольку эти исключения, к сожалению, не получили до сих пор характера знаковых и резонансных учебников, которые выдержали значительные объемы переизданий или вошли как классические в учебные программы по учебной дисциплине «Социальная философия». Интересные перспективы открывают последние публикации российских исследователей [15–16], все же они, на наш взгляд, не дают достаточно концептуального и внятного ответа на те вопросы, которые были поставлены в начале нашей статьи.

Возможно, новый импульс развитию социальной философии как учебной дисциплины и общей социальной теории даст движение по институализации профессиональных сообществ социальных философов. Такие начинания создают перспективы развития социальной философии даже в тех странах, где она не имеет глубоких оснований в национальной истории развития философской мысли. Например, в 1984 г. в

США было основано Североамериканское общество по социальной философии [17]. Оно охватывает не все университеты США и Канады, а также не включает в себя представителей всех ведущих университетов мира из этого региона. Так, в составе руководства Общества отсутствуют представители Оксфордского, Колумбийского, Йельского университетов. В то же время Общество осуществляет достаточно масштабную и систематическую работу, издает собственный журнал, проводит регулярные конференции в различных городах США и Канады, с 2004 г. определяет победителей среди авторов монографий по социальной философии, среди которых такие известные в мире ученые, как Сейла Бенхабиб, Вил Кимликка, Амартия Сен, Дж. А. Коэн и др.

Стоит обратить внимание на то, что социальная философия – это не просто отдельная дисциплина, а, можно сказать, целая эпоха в модернистской философии, когда любые философские исследования начали оценивать с точки зрения их социальной значимости. Очевидно, эту традицию можно отследить не позднее работ философов эпохи Просвещения – Ж. Руссо, Вольтера, И. Канта и других (хотя уже труд Томаса Мора «Утопия» можно считать едва ли не первым собственно социально-философским, причем таким, который приобрел широкий общественный резонанс, а не только стал заметным интеллектуальным событием). Вольтеру принадлежит знаменитое высказывание: «Если бы бога не существовало, его следовало бы выдумать», – обозначающее именно прагматический социальный интерес, который становится не просто модным среди образованной публики, а начинает привлекать внимание широких социальных слоев к изучению философии и деятельному участию в ее судьбе. Собственно, проект энциклопедий, основанный просветителями, и был едва ли не первым таким сознательно ориентированным на самую широкую аудиторию замыслом, который имел не только научный характер, но и содержал в себе явную философскую, а точнее социально-философскую идеологию. Такой идеологией воздействия с помощью идей и философии как системы идей и стало Просвещение – со всеми его достоинствами и недостатками (последние драматически изложены в трудах Т. В. Адорно и М. Хоркхаймера [18], а также Дж. Грея [19] и др.).

Такая ситуация явной или скрытой полемики с философией Просвещения происходит, по нашему мнению, из неопределенности в вопросе о социальной миссии философии вообще и социальной философии отдельно. Подобная миссия именно в сфере образования из теоретической идеи превращается в масштабную социальную практику – с социальными влияниями, которые трудно переоценить. Конечно, в век СМИ, индустрии кино и господства интернет-технологий в социальных коммуникациях образование потеряло свои почти исключительные позиции, которые оно имело на заре эпохи Просвещения, однако по организованности и системности воздействия, думается, до сих пор массовое образование (сейчас, в век постиндустриализма и информатизации общественных отношений таково уже не только среднее, но и высшее образование) не имеет конкурентов в обществе.

Социальная философия: между метафизикой и социологией

М. И. Бойченко. Социальная философия сегодня...

Сам термин «социальная философия» появился относительно недавно, однако его системное обоснование сформировалось еще позже. Прежде всего стоит вспомнить труды Георга Зиммеля [20] и С. Л. Франка [21]. Согласно Зиммелю, система социального знания включала в себя две дисциплины: общую социологическую теорию познания, «охватывающую условия, предпосылки и основные понятия социологического исследования, которые в самом исследовании выявить невозможно» [20, с. 29], и социальную «метафизику», необходимость в которой возникает, когда «отдельное исследование сопоставляют с отношениями и целостностями, связывают с вопросами и понятиями, которые не рождаются и не существуют внутри опыта и непосредственного предметного знания» [там же]. По Зиммелю, между этими двумя дисциплинами существует тесная и неразрывная взаимосвязь, причем априорность философских знаний, которая не акцентируется в специальных социальных исследованиях Зиммеля, здесь явно и однозначно декларируется.

Так же фундаменталистски определяет социальную философию С. Л. Франк. Однако на этих путях он идет в противоположном Зиммелю направлении – не к эмпирическим наукам, а от них, в направлении социальной мистики. В основе обществоведения, по Франку, лежит «живое созерцание в форме самоуглубления» [21, с. 103], а «все наиболее ценное, плодотворное и влиятельное в области общего осмысления социальной жизни сотворено не положительным обществоведением, а состоит в философских размышлениях об обществе» [там же, с. 101]. Само общество – «над-временное единство» [там же, с. 40], «над-пространственное духовное общение» [там же, с. 45]. Люди постигают его «на почве первичного единства» общества, «первое, что мне дано, не “мое сознание”, а сознание вообще» [там же, с. 68]. Как видим, на путях априоризма легко от необходимого и лаконичного фундаментализма перейти к расширенному и некритическому приписыванию обществу тех черт, которые не могут претендовать на универсальность и необходимость.

Стоит признать, что больше всего для социальной философии, как, кстати, и для большинства направлений современной философии вообще, дала немецкая философия. Для возникновения социальной философии как самостоятельной дисциплины мощный импульс, кроме классического марксизма, дали также франкфуртский институт социальных исследований [22] и социология знания [23; 24]. Касательно полемики между этими течениями (знаменитого спора о методах) отсылаем к фундаментальной и этапной для своего времени монографии «Логика социальных наук» [25], в которой сквозным лейтмотивом прошла тема «критики идеологии», т.е. существенного ограничения фундаменталистских основ социальной философии в пользу эмпиризма социологических исследований. Учитывая послевоенную ситуацию на Западе, когда в социальной теории господствовала критика нацизма и большевизма как тоталитарных идеологий, можно понять желание коренным образом из-

бавиться от рисков возвращения к большим и амбициозным социально-философским доктринам (в частности, доктринам типа *Staatslehre* [26]), однако ситуация в результате нередко стала напоминать русскую поговорку, когда «с водой выплескивают и ребенка», т.е. вместе с критикой ложных идеологий начали критиковать идеологию как таковую, а еще более неуместно и социальную философию как прежде всего идеологию. Конечно, социальная философия всегда является (актуально или потенциально) также и идеологией, но именно социальная философия определяет, какую идеологию (в том числе и политическую) она ситуативно может поддерживать, а не наоборот.

Во Франции с некоторых пор само прилагательное «социальный» в философии четко разграничено на как минимум три сферы его применения: антропологическую, социологическую и политическую. Причем в каждой оно используется фактически в отдельном, специальном смысле, так что антропологические обоснования социального (которые традиционно отсылают к изучению опыта примитивных обществ – от Э. Дюркгейма до Ф. Дескола [27]) лишь весьма условно, так сказать, на уровне символических действий, соотносятся с использованием понятия социального в социологии (которая занимается преимущественно позитивистским руководством по социальному познанию современных развитых обществ), а политическая теория нередко вообще выглядит не как наука, а как пропаганда. Редкое исключение во французской социологической теории представляет П. Бурдьё – знаковый философ среди французских социологов, который пытается свести воедино все три упомянутые ипостаси социального [28].

Таким образом, в большинстве развитых стран мира социальную философию как в науке, так и в системе высшего образования пытаются заменить социальной теорией (даже в Германии) или же ее версиями – политической философией или культурной антропологией (в англоязычном мире), социальной теологией (в католическом мире) и др. Вряд ли это дает желаемый позитив в настоящем, но наверняка это приведет к негативу в ближайшем будущем – чрезмерное увлечение эмпиризмом и прежде всего социологизмом в социальном познании делает его близоруким и критически зависимым от социальной конъюнктуры.

Социальная философия как социальная технология

Стоит также обратить внимание на то, что социальная философия, кроме более очевидного своего функционального воплощения в социальной теории, имеет также менее очевидное, но не менее значимое воплощение в социальной технологии. Этой контроверзе функционализации теории и теоретизации функциональности было посвящено специальное исследование Никласа Лумана и Юргена Хабермаса [29], каждый из которых защищал отличную стратегию: Хабермас склонялся к стратегии приобретения теорией большей практичности и функциональности, а Луман – к стратегии получения практической функциональной целесообразностью критериального статуса касательно любых возможных

теоретических конструктов, а сами такие конструкты с каждым последующим своим трудом Луман пытался все больше выводить («генерализировать») из практики функционирования социальных систем. Конечно, обретение социальной теорией полного и жесткого соответствия требованиям функционирования общества является делом не только нереалистичным, но и ограниченно полезным для социальной теории и еще более дискуссионным для социальной философии. В свое время основатели философии позитивизма – сначала О. Конт, потом Г. Спенсер и Э. Дюркгейм пытались «вынести за скобки» философию как метафизику и идеологию. Последовательный социально-теоретический позитивизм как жесткое подчинение теории фактическому состоянию дел в обществе ведет к свертыванию творческого и практически-преобразовательного потенциала социальной теории, для социальной философии же такой позитивизм означает ее завершение как научного проекта и учебной дисциплины. Даже подозрение в таком позитивизме в свое время нанесло значительный ущерб развитию философии Г. В. Ф. Гегеля и теории социальных систем Парсонса, заставив их самих и их последователей отвергать обвинения в реакционности, неоправданном и чрезмерном консерватизме в философской теории и социально-политической практике.

Реинкарнацией такого социально-теоретического позитивизма выглядят сегодня попытки подменить социальную философию социальной эпистемологией, а социальную эпистемологию – когнитологией (что справедливо критикует В. Лекторский [30, с. 5–34]). Это происходит под теми же лозунгами усиления практичности и технологичности социальной теории. Причудливо выглядит, в частности, предложение включить социальные технологии в единый блок средств развития общества вместе с когнитивизмом в теории познания, информационными и био- и нанотехнологиями, как это предлагает, например, Д. И. Дубровский, считая целесообразным говорить о системе НБИКС (нано-, био-, инфо-, когнитив- и социотехнологии) вместо системы НБИК [там же, с. 61]. Неправомерность такого предложения заключается в том, что, на наш взгляд, социотехнологии неизбежно, а именно вследствие их отличия от инфо- и когнитотехнологий, будут включать как свой компонент, причем компонент не второстепенный, а определяющий социальные ценности. Ничего невозможного в том, чтобы опираться на ценности при создании социальных технологий, нет. Более того, именно при условии опоры на такой ценностный базис социальные технологии и могут работать. Совсем другое дело, что к ценностям в формате системы НБИКС неизбежно будет применяться тот же инструментальный подход, что и к другим технологиям – в конце концов, технологии по определению являются последовательным воплощением инструментального разума. О проблемах социального воплощения инструментального разума написано немало философских работ, среди которых классическими, пожалуй, являются труды М. Хоркхаймера «Критика инструментального разума» [22] и Ю. Хабермаса «Теория коммуникативного действия» [31] и «Фактич-

ность и значимость» [32]. В этих и других исследованиях представителей критической теории общества, вплоть до Акселя Хонета [33] обосновано представление об инструментальном разуме как источнике репрессивной социальной рациональности, а в конечном итоге – как идеологии тоталитаризма и аморализма в более или менее явных их формах.

Неужели социальная философия и социальная технология совместимы только в формате подчинения философии репрессивной технократической логике? Наш ответ заключается в том, что альтернатива не только налична, но и единственно возможна с точки зрения ее нормальности, приемлемости. Ведь человеческое общество если и является муравейником, то муравейником весьма специфическим: здесь индивид не муравейник, а каждый человек – «муравей». Действительно, у муравья нет никаких шансов выжить вне муравейника и подчинения его жесткой иерархии и дисциплине. Каждый человек, в противовес муравьиной логике, сам является источником социального порядка – и не только потенциально, как возможный гений (по Канту [34]) или харизматический лидер (по Веберу [35]), но и как сознательно принимающий решения о признании социальных норм действительным руководством своих действий (по Карлу Попперу [36]). Именно такая ценностная позиция каждого человека оказывается той архимедовой точкой опоры, которая предстает как достаточное основание видеть перспективу выхода человечества из различных технократических тупиков. И этот выход подразумевает не утопическое отбрасывание технологий, а выявление их естественного положения средства по отношению к той цели, которой выступают социальные ценности.

Мы предлагаем [37–38] социально-философское решение проблемы этого контрарного соотношения инструментального и ценностного разума, которое в значительной степени воплощено в различии естественно-научного и технического знания, с одной стороны, и знания социогуманитарного – с другой. Оба вида знания претендуют на доминирование в определении условий существования современного общества, и, что характерно, для таких претензий серьезные основания наличны у обеих сторон. Наше решение этой проблемы заключается в необходимости четкого различия рамочных (внешних и внутренних) условий социального развития и собственно социальных причин такого развития. Именно последние являются достаточным основанием развития общества и в конечном счете опираются на те социальные ценности, производными от которых оказываются большинство собственно человеческих социальных функций. Рамочные же условия выступают необходимым основанием общественного развития, а соответственно, обязательны для выполнения не в силу их избирательности, а именно в силу их естественной принудительности. Впрочем, некоторые из этих условий распространяются и на другие, нечеловеческие формы социальности: не следует забывать, что социальность является доминирующим способом существования живых существ, а человечество выработало лишь одну из наиболее сложных и специфических разновидностей такой социальности.

Таким образом, социальная философия как наиболее последовательная и системная рефлексия о ценностных основаниях общественного развития является наиболее адекватной теоретической, мировоззренческой, концептуально-методологической позицией рассмотрения всего круга социальных проблем, в том числе и проблемы определения задач и границ социально-технологического применения самой социальной философии. Более того, такая ценностная рефлексия делает такое применение не только оправданным, но и едва ли не главным заданием социальной философии на ближайшую перспективу.

Перспективы развития социальной философии

Социальная философия может рассматриваться как особая философская дисциплина и как общая, или универсальная социальная теория. В первом случае речь идет о строгом, узком применении термина «социальная философия», а во втором – о широком. Как философская дисциплина социальная философия институализировалась относительно недавно, хотя социально-философская проблематика стала традиционной для философского дискурса с давних времен. Достаточно обратить внимание на специальное исследование по этому вопросу В. П. Андрущенко [39]. Действительно, проблемы соотношения человека и общества, обеспечения социального порядка, механизмов социального развития, социальных равенства/неравенства, справедливости/несправедливости, общественного идеала, потенциала человеческого влияния на преобразование общества – все они явно или латентно присутствуют не только в древнегреческих текстах (на большинство из этих фактов обращает внимание В. П. Андрущенко), но уже, как минимум, в «Законах Ману» [40]. Как философская дисциплина социальная философия ставит первые вопросы об обществе, которые в дальнейшем детализируют все другие науки и типы знания, и дает последние ответы на вопросы, возникающие из самых разных источников – от «детских» вопросов обыденного сознания до специальных вопросов, порожденных профессиональными затруднениями в специальных дисциплинах. В этом смысле социальная философия как философская дисциплина представляет собой фундаментальные знания об обществе – насколько бы значительными и догматически расширенными или узкими и скептически ограниченными ни были бы рамки таких возможных фундаментальных знаний. Обойтись без такой фундаментальности, пусть даже минимальной, не может ни одно философское, научное или ненаучное познание социальной реальности. При этом как универсальная социальная теория социальная философия выступает в качестве обобщения всех знаний об обществе – знаний, которые возникают не как фундаментальные, но скорее как полученные из разных источников социального опыта.

И в широком, и узком смыслах социальная философия выступает как более широкая в предметно-содержательном отношении, так и обладающая более методологически высокими претензиями на реконструкцию социальной реальности теория по отношению ко всем другим формам

знания об обществе – философским, общетеоретическим, специально-научным или ненаучным. Так, социальная философия может рассматриваться как основа разработок в области тех философских дисциплин, которые изучают не всю социальную реальность во всех ее проявлениях, а только под определенным углом зрения – как философия права, философия хозяйства, религии, политики, науки, искусства, мифологии, социальная этика, социальная экология. Кроме того, если не функцию метатеории (метанарратива), то во всяком случае в значительной степени функцию обеспечения определенной общей социальной картины мира социальная философия должна выполнять касательно общетеоретических конструкций в области социального познания – общих теорий социального действия, теорий социальных систем, теорий личности и т.д. Через эти специальные философские дисциплины и общие социальные теории или же направления социальная философия выполняет свою общепредметную и общеметодологическую функции в отношении конкретных социальных наук. Если же обратиться к ненаучным формам знания – религии, искусству или повседневному (в том числе бытовому) знанию об обществе, – ярко раскрываются те функции социальной философии, которые в случае научных знаний имели преимущественно латентный характер, – это прежде всего ценностная и мотивационная. Именно социальная философия выявляет принципиальную укорененность ценностей и всей мотивационной структуры поведения личности в социальных структурах, прежде всего – в социальных общностях, продуцирующих каждая свой жизненный мир. Ценности при этом предстают не просто как мотиватор поведения, т.е. как один из факторов поведения человека среди других, но и как тот особый, уникальный фактор, благодаря которому в социальной реальности человек творит то, чего раньше в ней не было. Таким образом, искусство, мифология или религия должны исследоваться не только и не столько под тем углом зрения, что они имеют социальное происхождение и характер (чем занимаются в значительной степени соответствующие области социологии), но прежде всего с той позиции, что религия, мифология, искусство и т.д. выступают творцами новой социальной реальности не меньше, чем наука.

Только учитывая все эти общие обстоятельства позиционирования себя социальной философией как таковой, в ее самодостаточности как способа познания и практики, действия и коммуникации, теории и методологии, можно по достоинству оценить значимость отдельных течений, существующих в современной социальной философии. К таким течениям следует отнести: различные версии марксистской философии (от неомарксизма и постмарксизма и до философии левых и феминистских исследований [41–42]), системно-институциональное направление в социальной философии (прежде всего Н. Луман [43], Ю. Хабермас [31] и их последователи), феноменологически-герменевтическую традицию социального познания [44–46], аналитическое направление в социальном познании [47], традицию структурализма/постструктурализма в социальном познании [5] и близкой к ней радикальной социальной кри-

тики [48], течение, которое условно сближает философию консерватизма и традиционализма (с их тяготением к подчеркиванию общественной роли элит) [49–50], течение философии либерализма (от классического до неолиберализма и либертариизма) [51–52], философию техники (от мифологизации техники до теорий постиндустриализма и информационного общества) [53], философию общественного усовершенствования природы человека (от религиозных версий либеральной евгеники и до философских исследований социальных горизонтов генетической инженерии [54–56]) и некоторые другие. Каждое из этих направлений имеет трансдисциплинарный характер, т.е. касается многих философских и специальных дисциплин. В то же время ни одно из них, по нашему мнению, не может претендовать на ту теоретическую и методологическую беспристрастность, с одной стороны, а соответственно – и на теоретическую и методологическую универсальность, которые должна обеспечивать социальная философия как фундаментальная дисциплина. Они выступают в качестве конкурирующих гипотез, имеющих высокую степень теоретического и эмпирического подтверждения, но не проходят проверку на фундаментальность. Следовательно, они выполняют в значительной степени эвристически-поисковую, а нередко и идеологически побудительную функции, оживляя социально-философский дискурс и привнося разнообразие в научно-исследовательские программы области социально-философского познания.

Впрочем, человеку, который изучает, а тем более преподает социальную философию, следует быть осведомленным с как можно большим количеством возможных течений в социальной философии, следует знать ее историю, различные версии толкования задач социальной философии, которые имеют своим происхождением другие философские дисциплины, – философскую антропологию, философию истории, политическую философию, феноменологию и философскую герменевтику, философию культуры и философию науки, философию права и философию хозяйства, философию искусства и философию религии, философию мифологии и мн. др. Для того чтобы не потерять при этом фокуса понимания и решения проблем, присущего именно социальной философии, следует постоянно возвращаться к фундаментальным проблемам социальной философии. К таким стоит отнести, прежде всего, проблему ценностей в ее взаимосвязи с проблемой воспроизводства и развития социальных общностей, проблему обеспечения общего социального порядка, который охватывает большую совокупность разнородных социальных общностей, а также проблему обеспечения самоидентичности и свободы личности в условиях общества высокой сложности. Эти три проблемы мы считаем краеугольными для социальной философии, ведь их предельное решение доступно только для социальной философии, к тому же такое принципиальное решение этих проблем дает определенность в содержательных, мировоззренческих и методологических вопросах, которые имеют решающее значение не только для социальной философии, но и для всех видов и форм социального познания – научного и ненаучного, нор-

мативного и дескриптивного, позитивистского и конструкционистского, консервативного и либерального, ориентированного на динамическое социальное равновесие и ориентированного на радикальные социальные изменения, традиционного и критического, системного и антисистемного и мн. др.

Таким образом, социальная философия обретает собственные ценностные основания независимо от данных социальных, гуманитарных или каких-либо иных наук. Это не является отказом от эмпирических достижений последних – чем больше таких достижений учитывается, тем убедительнее позиция самой социальной философии. Однако эти достижения имеют значение лишь как материал для размышлений, а не как источник ценностей. Действительно, принимая ценности одной науки или даже философской дисциплины, социальная философия уже не смогла бы принять ценности других, и тем самым теряла бы свою беспристрастность и универсальность. Все же именно благодаря такому дистанцированию от всех специальных способов рассмотрения общества, социальная философия должна четко и явно артикулировать собственную универсальную ценностную позицию. В этом и заключается ее, хотя и труднодостижимый, но и единственно возможный способ существования в науке и обществе – поддержание собственного особого ценностного статуса как некоего идеала.

Именно с этих позиций социальная философия может выступать как общетеоретическое, методологическое и даже дидактическое основание для обращения к практике трансдисциплинарности. Ведь все чаще в последнее десятилетие обращаются к этой теме не только как к веянию времени, определенному стилю постановки и решения задач в науке или даже определенной моде в философии науки, но и как к панацее в преодолении проблем современной эпистемологии. Насколько оправдано такое отношение к трансдисциплинарности, можно судить, лишь разобравшись в том, что она собой представляет. Но уже сейчас можно в общих чертах утверждать, что многие, если не большинство из тех, кто использует этот термин, не очень четко представляют, что он обозначает, и уж совсем малое число адептов трансдисциплинарности видит и просчитывает последствия обращения к этому познавательному инструменту. Избежать теоретических перекосов и натяжек и практических ошибок и неудач, во всяком случае в сфере социально-гуманитарного познания, можно, обратившись к социальной философии как своеобразному арбитру, который способен рассудить, в каких случаях трансдисциплинарный подход оправдан, а в каких он недопустим, в каких пропорциях необходимо задействовать разные дисциплины при решении конкретной теоретической или практической задачи и какие социальные или гуманитарные теории при этом могут выступать как объединяющее начало, не сводимое ни к одной из классических наук или образовательных дисциплин. Выполнить эту функцию способна однако не любая социальная философия, а лишь та, которая сначала для самой себя дала ответы на вопросы.

Литература

1. *Лукреций Кар Т.* О природе вещей / Тит Лукреций Кар ; [пер. с лат. Ф. А. Петровского]. – М. : Худ. лит., 1983. – 383 с.
2. *Маркс К.* Тези про Фейербаха : [пер. з нім.] / К. Маркс // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. – Т. 3. – Київ : Політвидав України, 1964. – С. 1–4.
3. *Фейерабенд П.* Против методологического принуждения / П. Фейерабенд ; [пер. с англ. и нем. А. Л. Никифорова] // Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М. : Прогресс, 1986. – С. 125–466.
4. *Ницше Ф.* Веселая наука : [пер. с нем.] / Ф. Ницше // Ницше Ф. Соч. : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 491–719.
5. *Фуко М.* Археология знания / М. Фуко ; [пер. с фр. С. Митина, Д. Стасова ; под. общ. ред. Бр. Левченко]. – Київ : Ника-Центр, 1996. – 208 с.
6. *Барулин В. С.* Социальная философия : учебник : в 2 ч. / В. С. Барулин. – М. : МГУ, 1993. – Ч. 1. – 336 с.
7. *Алексеев П. В.* Социальная философия : учеб. пособие / П. В. Алексеев. – М. : ТК Велби, 2003. – 256 с.
8. *Андрущенко В. П.* Сучасна соціальна філософія : курс лекцій / В. П. Андрущенко, М. І. Михальченко. – Київ : Генеза, 1996. – 368 с.
9. *Соколов С. В.* Социальная философия : учеб. пособие для вузов / С. В. Соколов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2003. – 440 с.
10. Социальная философия : учебник / под ред. И. А. Гобозова. – М. : Издатель Савин С. А., 2003. – 528 с.
11. *Губерський Л.* Соціальна філософія. Історія, теорія, методологія : підручник для вищих навчальних закладів / Л. Губерський, В. Андрущенко, М. Михальченко. – Вид. 3-є, випр. та доп. – Київ : Генеза, 2006. – 656 с.
12. *Кемеров В. Е.* Введение в социальную философию : учеб. пособие для вузов / В. Е. Кемеров. – М. : Аспект-Пресс, 1996. – 216 с.
13. *Крапивенский С. Э.* Социальная философия : учеб. для гуманит.-соц. специальностей высш. учеб. заведений / С. Э. Крапивенский. – 3-е изд., испр. и доп. – Волгоград : Комитет по печати, 1996. – 352 с.
14. *Фурс В.* Социальная философия в непопулярном изложении / В. Фурс. – Вильнюс : ЕГУ, 2006. – 184 с.
15. *Марахов В. Г.* Социальная философия : курс лекций / В. Г. Марахов. – СПб. : СПбГУ, 2011. – 419 с.
16. *Орехов А. М.* Социальная философия : предмет, структурные профили и вызовы на рубеже XXI века / А. М. Орехов. – М. : Либроком, 2011. – 272 с.
17. North american society for social philosophy home page. – Mode of access : <http://www.pitt.edu/~nassp/nassp.html>
18. *Хоркхаймер М.* Диалектика просвещения : философские фрагменты : [пер. с нем.] / М. Хоркхаймер, Т. В. Адорно. – М. ; СПб. : Медиум : Ювента, 1997. – 311 с.
19. *Грей Дж.* Поминки по Просвещению : политика и культура на закате современности : [пер. с англ.] / Дж. Грей. – М. : Праксис, 2003. – 368 с.
20. *Simmel G.* Grundfragen der Soziologie : Individuum und Gesellschaft. – 4. Auflage / G. Simmel. – Berlin : Walter de Gruyter, 1984. – 98 S.
21. *Франк С. Л.* Очерк методологии общественных наук / С. Л. Франк. – М. : Берг, 1922. – 124 с.

22. Горкгаймер М. Критика инструментального розуму / М. Горкгаймер ; [переклад, передмова та післямова Култаєва Марія]. – Київ : ППС-002, 2006. – 282 с.
23. Шелер М. Проблемы социологии знания / М. Шелер ; пер. с нем., коммент., послесл. А. Н. Малинкина. – М. : Ин-т общегуманит. исследований, 2011. – 303 с.
24. Мангейм К. Очерки социологии знания (теория познания – мировоззрение – историзм) : [пер. с англ.] / К. Мангейм. – М. : ИНИОН РАН, 1998. – 249 с.
25. Logik der Sozialwissenschaften / Herausg. von Ernst Topitsch. – Köln ; Berlin : Kiepenheuer&Witsch, 1965 (zweite Auflage). – 568 S.
26. Байме К. Політичні теорії сучасності / К. Байме ; [пер з нім. М. Култаєвої та М. Бойченка]. – Київ : Стилос, 2008. – 396 с.
27. Дескола Ф. По ту сторону природы и культуры / Ф. Дескола ; [пер. с франц. под общ. ред. С. Рындина]. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – 584 с.
28. Бурдьё П. Социология политики / П. Бурдьё ; [пер. с фр., сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко]. – М. : Socio-Logos, 1993. – 336 с.
29. Habermas J. Theorie der Gesellschaft oder Sozialtechnologie : Was leistet die Systemforschung? / J. Habermas, N. Luhmann. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp Verlag, 1971. – 405 S.
30. Эпистемология : новые горизонты : материалы конф. (Москва, 24–25 июня 2010 г.) / Ин-т философии РАН. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2011. – 272 с.
31. Габермас Ю. Теорія комунікативної дії / Ю. Габермас ; [пер. з нім. К. Поліщук ; наук. ред. Б. Поляруш]. – Л. : Астролябія, 2010. – Т. 1 : Раціональність дії та суспільна раціоналізація. – 520 с.
32. Habermas J. Faktizität und Geltung. Beitrage zur Diskurstheorie des Rechts und des demokratischen Rechtsstaat / J. Habermas. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2009. – 704 S.
33. Honneth A. Der Kampf um Anerkennung. Zur moralischen Grammatik sozialer Konflikte / A. Honneth. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp, 2003. – 340 S.
34. Кант И. Критика способности суждения : [пер. с нем.] / И. Кант // Кант И. Соч. : в 6 т. – М. : Мысль, 1964. – Т. 5. – 564 с.
35. Вебер М. Государство і суспільство / М. Вебер ; [пер. з нім. М. Кушнір]. – Київ : Всесвіт, 2012. – 1112 с.
36. Поппер К. Відкрите суспільство і його вороги : в 2-х т. : [пер. з англ.] / К. Поппер. – Київ : Основи, 1994. – Т. 1. – 444 с.
37. Бойченко М. І. Системний підхід у соціальному пізнанні : ціннісні та функціональні аспекти : монографія / М. І. Бойченко. – Київ : ПРОМІНЬ, 2011. – 320 с.
38. Бойченко М. І. Зовнішні та внутрішні рамкові умови суспільного життя (системний підхід до визначення) / М. І. Бойченко // Політологічний вісник. – Київ : ІНТАС, 2011. – Вип. 56. – С. 123–133.
39. Андрущенко В. П. Історія соціальної філософії : (Західноєвропейський контекст) : підручник для студ. вищ. навч. закл. / В. П. Андрущенко. – Київ : Тандем, 2000. – 416 с.
40. Законы Ману / [пер. С. Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г. Ф. Ильиным]. – М. : Ладомир : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1992. – 361 с.

41. Скепсис : научно-просветительский журнал. – Режим доступа: <http://scep sis.net/>
42. Спільне : журнал соціальної критики. – Режим доступа: http://commons.com.ua/?page_id=8252
43. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман ; [пер. с нем. И. Д. Газиева ; под ред. Н. А. Головина]. – СПб. : Наука, 2007. – 648 с.
44. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман ; [пер. Е. Руткевич]. – М. : Медиум, 1995. – 323 с.
45. Вальденфельс Б. Топографія Чужого : студії до феноменології Чужого / Б. Вальденфельс ; [пер. з нім. В. Кебуладзе]. – Київ : ППС-2002, 2004. – 206 с.
46. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр ; [пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной]. – М. : Акад. проект, 2008. – 695 с.
47. Сёрль Дж. Р. Рациональность в действии / Дж. Р. Серль ; [пер. с англ. А. Колодия, Е. Румянцевой]. – М. : Прогрес-Традиция, 2004. – 336 с.
48. Бодрийяр Ж. Фатальні стратегії / Ж. Бодіяр ; [пер. з франц. Леоніда Кононовича]. – Львів : Кальварія, 2010. – 192 с.
49. Рормозер Г. Кризис либерализма : [пер. с нем.] / Г. Рормозер. – М. : Мысль, 1996. – 298 с.
50. Nisbet R. Conservatism : Dream and Reality (Concepts in Social Thought) / R. Nisbet. – Milton Keynes : Open University Press. – 1986. – 118 p.
51. Ролз Дж. Теорія справедливості / Дж. Ролз ; [пер. з англ. О. Мокровольського]. – Київ : Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2001. – 822 с.
52. Нозик Р. Анархия, государство и утопия / Р. Нозик ; [пер. с англ. Б. Пинскера ; под ред. Ю. Кузнецова и А. Куряева]. – М. : Ирисэн, 2008. – 424 с.
53. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество : опыт социального прогнозирования / Д. Белл ; [пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева]. – М. : Academia, 1999. – 956 с.
54. Компендіум соціальної доктрини церкви / [пер. з лат. Ольги Живиці]. – Київ : Кайрос, 2008. – 550 с.
55. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. – Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html/>
56. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма ; [пер. с англ. М. Б. Левина]. – М. : АСТ, Люкс, 2004. – 352 с.

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Бойченко М. И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии

E-mail: boychenkomy@gmail.com

Tel.: 380503583944; 380967884588

Kyiv National University named after Taras Shevchenko

Boychenko M. I., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Philosophy Department

E-mail: boychenkomy@gmail.com

Tel.: 380503583944; 380967884588